

М. А. Липкин

МАРКИЗ ДЕ КЮСТИН В 1957 ГОДУ? ЗАПИСКА ФРАНЦУЗСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА О ТРЕХНЕДЕЛЬНОЙ ПОЕЗДКЕ В СССР

Статья посвящена анализу неизвестного документа из архива МИД Франции «Записка о трехнедельной поездке в Москву в августе 1957 г.». В записке французского участника Московского фестиваля молодежи содержится анализ политической ситуации в СССР и мире в 1957 г. Статья раскрывает представления французов об СССР, США и Франции на мировой арене и поднимает вопрос о связи между поездкой в августе 1957 г. и развитием западноевропейской интеграции (созданием ЕЭС и Евратома в марте того же года).

Ключевые слова: СССР, Франция, США, Европа, гонка вооружений, холодная война, европейская интеграция, цивилизация, культура, империализм.

Работая в новом архиве Министерства иностранных дел Франции в пригороде Парижа в Курнев-Обервийе, я обнаружил в фонде директора Департамента европейского экономического сотрудничества Оливера Вормсера весьма необычный документ — аналитическую записку неизвестного автора, составленную по итогам его поездки в Москву в рамках Всемирного фестиваля молодежи в августе 1957 г. (хотя он задержался в СССР на более длительный срок — 3 недели)¹.

Судя по широте анализа и попытке выработать собственную методику понимания Советской России, ее автор был далеко не простым наивным студентом, а обладал склонностью к обобщению и отправлялся в Москву с некоторыми познаниями русского языка. Он не раскрывает имен и число своих информаторов в СССР, но, судя по тексту записки, ему удалось побеседовать с людьми разных политических взглядов.

С самого начала автор предлагает внести ряд корректив в распространенные представления о Советской России и провести прямые аналогии между историей двух, казалось бы, столь непохожих друг на друга стран — СССР и Франции. Согласно видению французского визитера, если провести параллель между историческим опытом западноевропейских стран и СССР, то следует повернуть стрелки часов на 70 лет назад,

---

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ 09-01-00290а/Р.

¹ Note sur un séjour à Moscou (URSS) un août 1957. Paris 27.09.1957 // Papier Directeurs. Olivier Wormser. Direction économique, vol.14. Europe orientale, URSS. fols. 263-276.

т.е. вернуться в Западную Европу в 1890 г. Проведенная в СССР поздняя индустриализация, согласно этой логике, сопоставима с периодом западноевропейского развития середины – второй половины XIX в. — с 1917 г. (аналогия с революционной волной 1848 г.²) до 1957 г. (=1887 г.).

Продолжая свои наблюдения, основанные, по-видимому, на общении с участниками Фестиваля, он делает утверждение, что по уровню ментального развития советские люди соответствуют современным западноевропейцам в возрасте 12 лет. К столь малоприятному выводу он приходит единственно на основе анализа переводной французской литературы (по-видимому, известной его собеседникам в Москве) — «Три мушкетера», «Двадцать тысяч лье под водой», «Тартарен из Тараскона» и «Отверженные». Подобную подборку автор считает явно несерьезной. Он также отмечает наличие некоторых познаний об английской цивилизации (благодаря знакомству с творчеством Диккенса) и немецком романтизме (через труды Гегеля и Маркса). При этом со стороны автора нет ни малейшей попытки включить в свой культурно-цивилизационный анализ русских писателей, внесших бесспорный вклад в европейскую культуру — Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и др.

Анализ записки позволяет сделать вывод о том, что ее автор считает Францию культурной сверхдержавой. Что до СССР и США, то признавая за ними военно-политическую мощь, он явно относится к ним с некоторым пренебрежением³.

Выстраивая в записке своеобразную ментальную карту Европы, по уровню интеллектуальной культуры и развития искусства, ее автор однозначно относит СССР к ареалу европейской культуры. Впрочем, по его мнению, ее развитие опять же замерло где-то на уровне 1890 г. Но по критерию поведения советских людей французский аноним безапелляционно относит советскую цивилизацию к Дальнему Востоку. Аналогии им допускаются разве что с жителями штата Оклахома в США, которым противопоставляется цивилизованное население благополучного штата Нью-Йорк и респектабельного Гринвич-вилладж.

Несмотря на это, он дает неожиданно высокую оценку советской политической элите, утверждая, что ее уровень соответствует выпускникам Высшей политехнической школы во Франции или Оксфорда и

---

² В оригинале у автора стоит 1847 г. — ровно 70 лет назад, но как нам представляется, имеется в виду содержательное наполнение, а не формальная дата. Аналогия уместна именно с революционной волной, которая, как известно, случилась во Франции в 1848 г., хотя «революционная ситуация» сложилась к концу 1847 г.

³ Ibid. Fol. 273.

Кембриджа в Англии. Более того, проводя исторические аналогии, он уподобляет консолидацию коммунистического общества при Сталине деятельности Наполеона, который консолидировал национальное буржуазное государство, возникшее при Робеспьере⁴.

Анализ политической ситуации в СССР в 1957 г. несмотря на довольно спорную методiku, представляется крайне любопытным. Применяя классовый подход, автор делит политический слой на выразителей интересов крестьянства (армия и генералитет) и буржуазии (партийный аппарат). Под термином «буржуазия», тем более — «советская буржуазия», «буржуазная правящая прослойка», он явно подразумевает городское население страны, круги, представлявшие их интересы.

По наблюдениям автора, в 1957 г. правящий слой в СССР по большей части все еще состоял из выходцев из «довоенной буржуазии» (отцы, сыны, внуки). В качестве примера он рассматривает личность Г. М. Маленкова, отмечая его «буржуазное поведение» наряду с политическим и административным опытом, приобретенным в качестве соратника Сталина⁵. С человеческой точки зрения, по мнению автора, все это с учетом возраста и личного обаяния делало Маленкова лучшим кандидатом на роль политического лидера страны. Однако, несмотря на свои позитивные личные качества, Маленков выражал интересы коммунистов старого стиля, объединенных вокруг группы Молотова-Кагановича. Давая собственное объяснение удалению Маленкова с политической авансцены страны в июне 1957 г., автор записки пишет о том, что существовала опасность, что Маленков стал бы проводить политику систематического экспорта коммунизма, в первую очередь в странах Юго-Восточной Азии, используя в качестве форпоста Китай. Однако последствиями такой политики, согласно записке, стало бы падение уровня жизни в СССР. «Буржуазная правящая прослойка» не хотела допускать этого в городах. В той мере, в какой это касалось жизни на селе, не хотела этого допускать и армия (выразительница интересов села, согласно логике автора). В этих условиях «советская буржуазия» не поддержала группу Маленкова в тот момент, когда армейское руководство решило отстранить его от политической жизни страны, передав все внешние атрибуты власти одному лицу — первому секретарю компартии Н. С. Хрущеву.

«Но с человеческой точки зрения эта личность [Хрущева], по своему происхождению небуржуазная и больше пролетарская, чем крестьянская по происхождению, является и останется совершенно неприемлемой для

---

⁴ Ibid. Fol. 266.

⁵ Ibid. Fol. 267.

нынешней правящей прослойки, — прогнозирует автор. — Таким образом, рассчитывает ли она на окончательное падение Хрущева, т.е. его более-менее скорое смещение политическим деятелем буржуазного происхождения, но без поползновений на экспорт коммунизма, или квалифицированным представителем армии (если не буржуазным, то, по крайней мере, больше крестьянским, чем пролетарским по происхождению)...», — задается вопросом автор. Развивая свою мысль, он допускает сценарий, при котором смещение Хрущева осуществил бы Г. К. Жуков, опираясь на И. С. Конева и поддерживаемый В. Д. Соколовским и А. И. Антоновым. При этом отмечается, что Конев, в отличие от Жукова, якобы пользуется гораздо большей популярностью среди средних и низших армейских чинов советской армии⁶. Возможно, подобные нюансы связаны с тем, что среди его собеседников были именно низшие и средние армейские чины, плохо относившиеся к Жукову.

Впрочем, в дальнейшем автор сам подвергает сомнению оба сценария. Первый — по причине отсутствия гражданской фигуры должного калибра на политическом олимпе, приемлемой для «буржуазии» и способной заместить Хрущева во главе компартии. Второй — из-за крайне небольшой вероятности прямого захвата власти представителями армии. Отмечается, что несмотря на свои низкие личностные качества, первый секретарь учитывает интересы крестьянства и продолжает ориентировать экономический потенциал страны на развитие ВПК⁷.

Признавая невозможность точного прогнозирования будущего развития Советского Союза, автор предпринимает попытку систематизировать основные чаяния и оценки будущего, присущие представителям правящего слоя. В этой связи чрезвычайно любопытен и совершенно нехарактерен для англо-американской традиции написания аналитических справок специальный раздел «оптимизм и пессимизм» в СССР.

Пессимисты, согласно записке, считают, что шансы дожить до лучших времен весьма малы. Это связано с тем, что США де не пойдут на соглашение с СССР, которое предусматривало бы политическое равенство и сокращение вооружений. Оптимисты, напротив, верят что «после того как они (руками Хрущева) уничтожат коммунистическую идеологию (ее экспорт) и избавятся от недостойного индивидуума, весьма посредственного со всех точек зрения, услугами которого они вынуждены были воспользоваться [т.е. Хрущева], русский маршал с серыми глазами однажды встретится взглядом с голубоглазым американским генералом,

---

⁶ Ibid. Fol. 268.

⁷ Ibidem.

после чего установится полное и окончательное согласие на радость всем (кроме Тито и Гомулки)»⁸. Очевидно, что здесь автор опять возвращается к мнению неких советских собеседников, которые явно симпатизировали Коневу и желали смещения Хрущева еще в 1957 г.

Следуя логике условных «пессимистов» и «оптимистов» в СССР, автор выдвигает два взаимоисключающих сценария развития международных отношений. В первом случае США продолжали бы гонку вооружений, не опасаясь, что это повлияет на их уровень жизни, в то время как русские были бы вынуждены сдаться из-за падающих стандартов жизни. Во втором случае американцы вынуждены будут свыкнуться с мыслью, что русские не сдадутся, а гонка вооружений с большой долей вероятности в итоге приведет к войне, которая может обернуться безоговорочной капитуляцией США перед СССР.

Какова же роль Франции и отношение к Франции на фоне этих прогнозов? «Интерес, проявляемый в России к французской цивилизации, является всеобъемлющим», — утверждает автор. «Все то, что можно обозначить как «культурное», по определению обладает французскими корнями, а все, что французское, автоматически принимается как вершина прогресса»⁹. С этой точки зрения, согласно записке, американизация Франции воспринимается в СССР с большой тревогой. Напротив, сохранение или восстановление автономии французской цивилизации приветствуется во всех кругах. «Считается, — пишет французский визитер, — что Россия должна суметь вновь воспользоваться культурным вкладом, который бы ей обеспечила Франция, вновь став «независимой»».

В другом месте говорится о том, что те немногие в СССР, кто думают о Франции в политическом плане (упоминаются три человека «весьма умных и образованных»), вместе с представителями армии должны также приниматься во внимание¹⁰. Но «в целом Франция признается лишь как некая культурная единица»¹¹. Что же до ее притязаний на роль в мировой политике, то, по мнению автора, ожидаемое советско-американское «сердечное» согласие одной из своих целей имеет «нейтрализацию» Франции, что подразумевает, с одной стороны, сохранение ее независимости, а с другой, окончание ее мировой политической роли. При этом сохраняется возможность оказывать политическое влияние в культурном плане, особенно учитывая существующий в

---

⁸ Ibid. Fol. 271.

⁹ Ibid. Fol. 273.

¹⁰ Ibid. Fol. 272-273.

¹¹ Ibid. Fol. 273.

СССР интерес к возрождению тесных связей между русской культурой (которую автор понимает самым поверхностным и примитивным образом) и культурой французской¹².

Говоря об отношении в СССР к идее нейтралистской политики в духе «третьей силы» в лице Франции или всей Западной Европы с участием Великобритании, записка отмечает несерьезную, даже ироничную реакцию. В условиях холодной войны никто не верил в «нейтралитет» или самостоятельность отдельно взятой Франции, или «Европы шести» (ЕЭС) или Британского Содружества (пусть даже интегрированного с Европой). Они воспринимались как слишком слабые для проведения самостоятельной военно-политической линии, независимой от США.

Таким образом, формулируется один из ключевых выводов записки — отношение СССР к «Европе шести» в лице шести западноевропейских стран, подписавших в марте 1957 г. Римские соглашения об образовании ЕЭС и Евратома, не вызывает особого уважения. СССР стремится к «Антанте» с США и в рамках этой «Антанты» видит Европу нейтральной. Идея же альтернативной Антанты с Францией или Европой в широком смысле, включая Англию — в высшей степени утопия, это невыгодно и даже опасно для СССР. «Подобный союз ничего не принес бы СССР и весьма чувствительно бы его ослабил, делая практически невозможным продолжение гонки вооружений, которая предполагает поддержание определенной “строгости” с советской стороны»¹³.

Что же делать Франции в условиях существования двух сверхдержав? Автор пишет, что пока США считают себя сильнее СССР, никакое соглашение между ними невозможно. А считают они себя таковыми, полагая, что смогут восстановить Римскую империю, пытаясь втянуть Сирию и Египет в американскую сферу влияния и восстановив контроль над Средиземноморьем. И тут появляется уникальная возможность для Франции выйти на мировую политическую авансцену, используя свои скрытые резервы. В качестве главного геополитического ключа при такой раскладке оказываются бывшие французские колонии, в особенности Тунис, который в 1957 г. обрел самостоятельность во главе с первым президентом в его истории — Хабибом Бургиба.

«Если говорить о Бургибе без Франции, то это американский агент, который будет способствовать установлению прямого управления США над Средиземноморским бассейном и тем самым поддерживать у американцев иллюзию политического и военного превосходства, которая

---

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. Fol. 274.

сделала бы невозможной соглашение с СССР. Напротив, если бы Франции удалось объединиться с Бургией, к французскому Магрибу естественным образом примкнули бы остальные страны арабского мира и все это в целом управлялось бы «Европой шести», где Германия была бы нейтрализована Францией, которая [Европа] стала бы в экономическом отношении достаточно сплоченной для того, чтобы превратиться в полюс притяжения остатков бывшей Британской империи»¹⁴.

С этой точки зрения успехи СССР в Египте и Сирии по противодействию американскому влиянию оцениваются лишь как временные. Увлекаясь, автор предвещает начало возрождения Римской империи с Галлии, т.е. Французской республики. При этом Франция отождествляется с Европой, которая, несмотря на скептическое отношение к ней в СССР, стала бы новым центром силы. «Тот факт, что арабский мир был бы тогда под управлением Франции (Европы), а Франция эта имела бы западную (проамериканскую) ориентацию, не имело бы никакого значения. Что имело бы значение — так это то, что мир не управлялся бы напрямую из Вашингтона». При этом адекватная французская политика в этом регионе могла бы послужить цели, разделяемой всеми в СССР — соглашению с США на условиях закрепления строгого паритета сил. «Таким образом, две страны разделяли бы опеку над слаборазвитыми странами, сообщая гарантируя политический нейтралитет экономически развитой и процветающей зоны стран, входивших некогда в состав Римской империи»¹⁵.

Общий вывод автора записки таков: только французский империализм может сделать Францию политически интересным партнером в глазах СССР. Франция в качестве нейтральной Швейцарии не интересна ни для СССР, ни для США.

Что же остается в сухом остатке после прочтения данного документа? Во-первых, 1957 год — важная веха как в советской истории, так и в истории европейской. Для СССР это год удаления с политической арены группы Маленкова-Кагановича-Молотова на июньском пленуме ЦК КПСС и беспрецедентный Международный фестиваль молодежи в августе 1957 года — собственно, на его волне и появилась анализируемая записка. Для Западной Европы март 1957 года — это подписание знаменитых Римских соглашений об образовании Европейского экономического сообщества и Евратома — решающий шаг в истории всей западноевропейской интеграции. Впрочем, в 1957 г. еще мало кто понимал, как будет развиваться объединившаяся «Европа шести». Для

---

¹⁴ Ibid. Fol. 276.

¹⁵ Ibidem.

Франции 1957 год — это время начала глубокого кризиса IV республики, связанного с экономическими неурядицами, распадом французской колониальной империи и серьезными проблемами во внутривнутриполитической жизни страны, которые в итоге привели к появлению фигуры генерала де Голля на посту президента страны и идеологии «голлизма». Для Средиземноморского региона это было время обострения борьбы за колониальное наследство (период между «Суэцким кризисом» 1956 года и до наступления «года Африки» в 1960 г.).

Собственно, отражение всех этих процессов и наложило свой отпечаток на аналитическую записку. Редкий опыт соприкосновения с крайне закрытой до того страной и ее гражданами привел к совершенно очевидным преувеличениям и заблуждениям ее автора, отсутствию некоторой отстраненности, необходимой для объективной оценки высказываний московских корреспондентов о внешней и внутренней политике СССР (на основе которых строятся ключевые выводы). Это накладывалось на нескрываемый франкоцентризм автора, не говоря о комплексе имперских амбиций. Можно сказать, что подобно маркизу де Кюстину в 1839 г., французский визитер в 1957 г. претендовал на некое новое осмысление процессов во внутренней и внешней политике СССР, оставаясь во власти весьма субъективных представлений о предмете анализа.

Вместе с тем, тот факт, что записка попала в личное дело руководителя Департамента экономического сотрудничества, отвечавшего за участие Франции в «Общем рынке» (причем с ним работали — в тексте отдельные места подчеркнуты от руки), говорит о том, что документ имел хождение в кругах, причастных к принятию ключевых внешнеполитических решений. Судя по вниманию, уделяемому ее автором проблеме европейского нейтралитета и Европы — «третьей силы», возможно, его поездка была напрямую связана с задачей определения советской позиции в отношении новой конструкции Европы.

Безусловно, крайне любопытная записка расширяет наши представления о состоянии общественного мнения в СССР после XX съезда компартии, об уровне общения в дни Международного фестиваля. Французский автор смог вызвать на откровенный разговор представителей разных профессий и выявить столь нетипичную для СССР палитру общественного мнения в отношении высшего советского руководства. Он верно нащупал наличие конфликта в советской элите, приведшей осенью 1957 г. к отстранению Жукова от власти. Некоторая надменность и чувство культурного превосходства в оценках были, вероятно, типичными для представителя французской элиты того времени (возможно, автор — интел-

лектуал из академической среды, кругов, близких французскому МИД или даже дипломат под прикрытием). В развиваемых им в записке идеях участия Франции в некоем мировом триумvirате великих держав (СССР-Франция-США) можно усмотреть отдаленные аналогии с идеей мирового триумvirата или директората с «мировой ответственностью» в рамках НАТО: Англии, Франции и США, выдвинутых в секретном меморандуме де Голля в сентябре 1958 г.¹⁶

Пожалуй, самое интересное — это видение Франции как центра не только европейской цивилизации, но и собирателя земель бывшей Римской империи. Записка прямо говорит о стремлении использовать европейскую интеграцию в качестве своеобразного трамплина для сохранения (и даже приумножения за счет бывших британских колоний) мировой зоны французского влияния. Это говорит о необходимости более тщательного анализа менталитета и идеологии французских дипломатов на ранних этапах европейской интеграции, чья картина мира порою радикально отличалась от более поздних «адаптированных» версий создания европейских сообществ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Note sur un séjour á Moscou (URSS) un août 1957. Paris 27.09.1957 // Papier Directeurs.

Olivier Wormser. Direction économique, vol.14. Europe orientale, URSS. fols. 263-276.

Липкин М. А. Британия в поисках Европы. Долгий путь в ЕЭС: 1957-1974г г. СПб.: Алетейя, 2009.

Липкин Михаил Аркадьевич, к.и.н., старший научный сотрудник, зам. директора Института всеобщей истории РАН; mli@igh.ru.

---

¹⁶ *Липкин*. 2009. С. 69-70.